

М.М. Крюкова

КАЖЕТСЯ ТОГДА Я ВЫПЛАКАЛА ВПЕРЕД ВСЕ СЛЕЗЫ, СЕЙЧАС ИХ УЖЕ НЕТ

Мария Матвеевна Крюкова, сотрудница Отдела фондов, инженер, комендант МАЭ. Старшина, разведчик. Участвовала в боях на Западном и Центральном фронтах. Награждена орденом Славы 3-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

И вот однажды — было это 7—8 июля — к нам в цех заглянули красноармейцы и страшно удивились: «Что вы тут делаете, девочки, немцы уже в городе, идут уличные бои!». Тогда мы решили раздать все съестное солдатам, а самим уйти из города. Так мы и сделали, прихватив с собой немного хлеба и конфет.

На окраине города к нам подбежал офицер и спросил, кто из нас может перевязать раненого. Вызвалась я. Офицер дал мне санитарную

В 1941 году мне шел девятнадцатый год. Жила я и работала в городе Смоленске в кондитерской «Смолпищепрома».

22 июня 1941 года, как только услышала взволнованное выступление В.М. Молотова по радио, где сообщалось о нападении на Советский Союз гитлеровской Германии, сразу же побежала к себе на работу, да так и осталась там. Только один раз удалось побывать дома. Мы не выходили с производства, работали, дежурили. Всех мужчин, кто подлежал мобилизации, срочно призвали в армию. В цеху остались три девушки: Лена Егорова, она была постарше всех, я и ученица из детдома — Рая Урицкая.

24 июня немцы совершили первый налет на Смоленск, второй был, кажется 28-го. Город почти весь лежал в руинах или горел; более 120 самолетов бомбили Смоленск, — так передавали по радио. Дом, где я жила, тоже сгорел.

Но наш цех уцелел, и мы продолжали работать. Было страшно и тревожно — немцы приближались к городу.

сумку, подвел к тяжелораненому. Это был молоденький лейтенант, он лежал вниз лицом и стонал. Я очень испугалась, увидев большую рану, но взялась перевязывать. Перепачкалась вся в крови, холодный пот с лица капал, но перевязала. Раненого унесли, а нам предложили остаться в воинской части. Я тут же решила: буду служить в армии. О своих родных я ничего не знала. В воинской части со мной осталась Рая Урицкая. Выдали нам обмундирование, оружие. Мы приняли воинскую присягу. Начались занятия по овладению стрельбой из винтовки, старшина научил бросать гранаты.

Почти до конца июля наши войска, сдерживая бешеный напор немцев, держали оборону за городом Гедеоновка. Не помогли немцам даже предпринимаемые ими психические атаки.

Однажды я решила сходить на нейтральную полосу за табаком, который должен был быть в бывшем магазине. Наши солдаты сильно страдали из-за отсутствия курева, и я решила раздобыть его. Переодевшись в гражданское платье, с чемоданом в руках стала пробираться к цели. Магазин находился рядом с бывшим спиртозаводом. Во дворе спиртозавода, у ворот, стояла подбитая немецкая машина. Я забралась в нее, и стала ждать подходящего момента. Кругом стояла зловещая тишина, которая наводила на меня страх. Дождавшись темноты, я вошла в магазин через разбитое окно, сильно порезавшись о стекло. Но боли не чувствовала, радостно прижимая к себе добычу. Дорога обратно была тяжелее, немцы заметили меня и открыли огонь. Где ползком, где перебежками удалось вырваться из обстреливаемой полосы. Как же солдаты были рады, когда я открыла чемодан и выложила перед ними пачки гродненского табака!

В конце июля пришлось отходить на восток — немцы прорвали нашу оборону.

Помню, в первых числах августа добрались до Соловьевской переправы на Днепре. Наши войска отходили с западных рубежей в этом направлении. Трудно описать, что там творилось.

Фашисты бомбили переправу почти непрерывно. Слева и справа наши войска шквальным огнем удерживали переправу. Этот тесный коридор олицетворял собой настоящий ад. Трудно было понять что-то. Однако раненых и технику переправляли в первую очередь. В ночь на 4 августа оставшиеся в живых впласть переправились через Днепр. Потом целый день отходили по лесу на восток, где из отдельных групп формировались новые части.

Я попала в какой-то медсанбат. Отошли к Вязьме, затем к Москве. При отступлении я была ранена небольшим осколком под глаз.

Поздней осенью меня направили служить в полевой госпиталь, который перебросили на Калининский фронт. Мы принимали раненых из-под Ржева.

Осенью 1942 года я ушла на фронт в действующую часть, в 1106-й стрелковый полк. В ноябре в разведке боем была ранена пулей в кисть левой руки. Это было на реке Вазузе у деревни Степановка. Деревня была захвачена нашими, но мне пришлось покинуть поле боя, так как я потеряла много крови.

После лечения в госпитале в Загорске меня направили в 215-й стрелковый батальон. В декабре 1942 года политотдел части направил меня в формирующуюся лыжную бригаду. Бригаду готовили для засылки в тыл противника. Это было в деревне Малиновка Калининской области. Нас было около 300 человек в бригаде, в основном девушки и парни из Калининской области. Занимались каждый день по многу часов. Ходили на лыжах с грузом за плечами, учились стрелять из противотанкового ружья, подрывать рельсы, пользоваться термитными шарами и многому другому, что могло потребоваться в тылу противника.

В конце марта 1943 года приехал генерал из совета 30-й армии и дал «добро» на переход линии фронта. Это было в районе города Ржева. Шли по заваленному лесу, болотам и были уже близки к цели, когда узнали, что советскими войсками взят Ржев. Мы присоединились к нашим частям и стали преследовать немцев. Примерно в ста километрах от Смоленска немцы остановили свое бегство, перешли к обороне. Мы также вынуждены были остановиться из-за весеннего бездорожья. Стояли в лесу недалеко от реки Вопь и ждали дальнейших распоряжений.

Наконец пришло распоряжение. Нас расформировали по близстоящим частям. Я опять попала в 215-й стрелковый батальон, откуда меня направляли в лыжбат, в 284-ю отдельную разведроту. Вспоминается такой эпизод. Случилось это в мае 1943 года. Неделю мы наблюдали за боевым охранением немцев, выдвинутым к нашей обороне в районе совхоза «Зайцево» Смоленской области. Нам необходимо было захватить «языка». Как это осуществить: противник занимал оборону на возвышенности, мы тоже. Нас разделяла река, кажется, Лучеса. Места вокруг были равнинные, от деревни совхоза «Зайцево» осталось несколько обгорелых деревьев да русская печь, кругом бурьян. Решили действовать ночью.

Ночь выдалась пасмурная. Нас построили, и майор Александр Богатырь, уточнив задание каждого, спросил: «Если кто-то себя плохо чув-

ствуем, выйти из строя». Никто из строя не вышел. В 12 часов ночи мы двинулись. Перешли вброд реку и мокрые поползли дальше. Тишина стояла полная, только изредка с немецкой стороны загоралась ракета, да иногда постстрочивал пулемет. Мы залегли и стали выжидать. В четвертом часу разведчик Борис Воробьев бросил противотанковую гранату в сторону ближайшей огневой точки немцев. Завязалась схватка. Оставшиеся в живых немцы под огнем наших автоматов бросились бежать к своим основным траншеям. Там возник переполох. Опомившись, немцы перешли в атаку, стремясь отрезать нас от реки. Однако мы успели захватить раненого немца, но его пришлось оставить недалеко от реки в трясине, а самим залечь в кустах и занять круговую оборону. Так распорядился наш ответственный за оборону младший лейтенант Гаврилов. Уже рассвело, немцы стали бить из всех видов орудий, даже минометов. У нас был тяжело ранен разведчик Савенков, погиб Анатолий Цимбалов — самый молодой наш разведчик.

До следующей ночи нам пришлось просидеть в прибрежных зарослях из-за сильного обстрела. Пока отсиживались, мы с Борисом Воробьевым договорились вдвоем пробраться к раненому немцу. Добрались ползком по трясине до того места, где он лежал. Я попробовала его потянуть, но мои ноги вязли в трясине, а он — ни с места. Тогда я решила обрезать бритвой его карманы в надежде найти там какие-либо документы. Борис прикрывал меня. Все же немецкий снайпер обнаружил меня, хорошо что промахнулся, разрывная пуля зацепила кустик, росший в нескольких сантиметрах от того места, где я находилась. За эту операцию нас троих наградили орденами.

В этом районе мы много раз ходили на различные задания. Были удачи, были и неудачи. Теряли и своих товарищей, которых я постоянно оплакивала, если удавалось их похоронить — сшивала из бинтов покрывало, чтобы не класть их прямо в землю. Похороны боевых друзей мне дорого обходились. Кажется, тогда я выплакала вперед все слезы, сейчас их уже нет.

Лето 1943 года прошло в подготовке наших войск к большому наступлению. И вот в конце августа наши войска перешли в наступление. Началось все с артподготовки, земля гудела от орудийных залпов. Немцы не выдержали и побежали, да так, что мы едва успевали за ними.

В 25 километрах от Смоленска на реке Березине у поселка Гусино мы оказались впереди своей дивизии и нарвались на немецкое прикрытие отхода. С нами была на задании пулеметчица Мария Малькова

из 18-го стрелкового полка нашей 215-й стрелковой дивизии. Ее убило в голову разрывной пулей. Мария была моей единственной подругой на фронте. Как мне было больно, когда я увидела ее мертвой на асфальте Минского шоссе!

Под Оршей немцы окопались и залегли в оборону. Однажды мы взяли в плен фашиста, ростом около двух метров. Я присутствовала на допросе, охраняла нашего переводчика. У фашиста обнаружили коллекцию снимков с виселицами наших солдат. Какое ужасное впечатление произвело на нас увиденное! Ребята воздали ему должное...

Наша часть ушла правее от Минской магистрали в сторону Витебска. Была взята станция Крынки под Витебском, вели бои местного значения. Сплошного наступления не было. Но наши солдаты отбивали многочисленные атаки немцев. Однажды мы — разведчики — оказались в одной из деревень на самом переднем крае фронта, но уже освобожденной нашими солдатами. К нам подошел старший командир, не помню уж его фамилии, и говорит: «Мы отбили уже восемь атак, не исключено, что фашисты опять полезут, а у наших бойцов — они окопались вон за той сопочкой — кончились патроны. Кто сможет отнести им патроны?». Вызвалась я. Поколебавшись, командир сказал: «Неси!».

Набрала я коробок, сколько могла, и понесла. Идти было совсем недалеко, за картофельное поле. Дошла до цели спокойно, хоть и тяжело было идти по снегу с тяжелой ношей. Раздала патроны. Как же они, бойцы, были рады, увидев меня с патронами! Шутили со мной, просили оставаться и помочь отбивать предстоящие атаки, но мне было приказано вернуться обратно сразу же.

Едва я успела спуститься под горку, как мне закричали вслед. Я обернулась и увидела выползающий слева танк. Отбежав немного в сторону, плюхнулась за маленький бугорок снега. Приготовила на боевой взвод автомат и гранату ЭФ-1, которая всегда была при мне. А танк ползет прямо на деревню, за ним автоматчики строчат в воздух. На какое-то мгновение мне стало страшно, потом успокоилась. Наши артиллеристы вторым снарядом подбили танк, он задымился и вдруг начал разворачиваться в мою сторону. Я решила: теперь все, «капут»! Но третий снаряд так крепко подбил танк, что он уже больше не сдвинулся с места и задымился. Немцы стали вылезать из люка, но наши ребята не растерялись. Я встала во весь рост, пустила очередь по танку и спокойным шагом пошла обратно в деревню.

На следующий день нас, разведчиков, послали в 711-й полк нашей дивизии, что находился левее от расположения нашего батальона. Мы

получили задание разведать, как проходит линия немецкой обороны после дневных боев. В первом часу ночи мы отправились на задание. Отошли метров 700 и наткнулись на засаду: завязался бой. Я успела расстрелять один диск, стала перезаряжать второй, как вдруг почувствовала удар по левой ноге, поняла — ранение. Мы отбивались еще какое-то время, потом получили приказ отходить.

Сначала я побежала вместе со всеми, потом отстала из-за боли в ноге и упала. Лежу на снегу, глаза закрыла и вдруг слышу, сзади кто-то подбегает. Я подумала, что враг. В голове промелькнула мысль — если его не удастся пристрелить, застрелюсь сама. Приготовила пистолет, а подбежавший кричит: «Свои!».

Меня с трудом тащили на палатке, в ноге была такая сильная боль, что до меня нельзя было дотронуться. С трудом добрались мы к своим. Пулю удалили только через три месяца в госпитале в городе Калуге. Долечивалась в Иркутске и в июле 1944 года получила отпуск на две недели на свою родину — Смоленщину.

В августе 1944 года началось наступление на Минск. Я, не дождав-шись конца отпуска, ушла опять на фронт по направлению Смоленского военкомата в свою часть.

Последнее место службы — 489-я отдельная разведрота, конный взвод. Дошла со взводом до реки Неман. Тут я опять повредила раненую ногу, так как подо мной была убита лошадь. Снова попала в госпиталь, откуда меня выписали в январе 1945 года, со II группой инвалидности. Вскоре я демобилизовалась.